

национальные комитеты. В Вильно выходят: «Круніса» – орган христианской демократии, «Наша нива», «Белорусская думка», «Белорусские ведомости» и «Белорусский звон».

В Минске одно время работал Белорусский государственный сельскохозяйственный союз, Центральный союз кооперативов Беларуси. Среди минских печатных изданий: «Вольная Беларусь», «Беларуская рада», «Беларускі шлях», «Беларускае жыццё». Советские белорусские печатные издания: «Советская Беларусь», «Школа и культура Советской Беларуси», «Весткі».

Во время немецкой оккупации начинает развиваться сеть белорусских начальных, средних школ, белорусских гимназий, белорусских учительских курсов. Успешнее всего школьное дело развивалось на Минщине. Здесь была создана Центральная белорусская школьная рада, Белорусский педагогический институт.

После пятидесятилетнего перерыва возобновил работу белорусский театр. В Минске вновь заблистала «Селянка» В. Дунина-Марцинкевича. Была создана специальная труппа, которая гастролировала краем. В ее репертуаре, кроме «Селянки», была «Павлинка» Купалы, «Модный шляхтич» Каганца, «Михалок» Долецкого и другие пьесы. С помощью покойного Буйницкого был организован народный хор и балет. Кроме профессиональной труппы, существовали аматорские труппы в Слуцке, Гродно, Бобруйске. Был представлен и народный театр, особенно на Случчине. *«В исследовании белорусского народного искусства, археологии и архитектуры – огромная заслуга покойного уже Ивана Луцкевича, заложившего в Вильно при редакции «Нашей нивы», ценные коллекции старины – основы будущего национального музея Беларуси»,* - подчеркивал профессор Дорошенко [3, с. 43].

Таким образом, уже в 1923–1933 годах Дмитрий Иванович Дорошенко старался убедить студентов в том, что изучение национальных культур – вне времени, актуально и приоритетно.

1. Бурім, Д. Дмитро Дорошенко як історик слов'янських народів і Східної Європи / Д. Бурім// Славістична збірка. Вип. І. – Збірка статей за матеріалами Перших міжнародних наукових Соханівських читань. (м. Київ, 18 листопада 2014 р.) / за ред. Д. Гордієнка та В. Корнієнка. – К. : Ін-т історії НАН України, 2015. – 396 с.
2. Дорошенко, Д. Дещо про білоруське письменство / Д. Дорошенко // Рідний край. – Ч. 35. – Полтава. – 1906. – № 6–7; Дорошенко, Д. Білоруси та їх національне відродження / Д. Дорошенко. – Київ : В-во «Український Учитель». – Ч. 15. – 1908. – 32 с.
3. Дорошенко, Д. Слов'янський світ в його минулому й сучасному. Томи I–III. (Передмова Л. Белей) / Д. Дорошенко. – Ужгород : В-во «Гражда», 2005. – 400 с.
4. Зубко, О.С. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М.Драгоманова в Празі (1923–1933рр.): дис... канд. іст. наук: 09.00.12 / О.С. Зубко. – Київ, КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – 224 с.

Василицына Л.А.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Фонды областных архивов сегодня дают возможность обратиться к исследованиям самого широкого круга проблем. Цель работы: охарактеризовать информационный потенциал документов Государственного архива Витебской области для изучения деятельности православных монастырей в 1920-е гг.

После принятых Советской властью декретов «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» монастыри лишались прав юридического лица, их имущество и земли муниципализировались. Получить в безвозмездное пользование культовые здания и богослужебные предметы монашеские общины могли через регистрацию в качестве приходской религиозной организации. Материалы фонда **Отдела управления Витебского губисполкома** (ф. 1821) содержат документы о регистрации религиозных общин Витебского уезда. Наиболее информативными из них являются протоколы приходских собраний, справки о регистрации, списки членов общин и их актива. Например, насельницы Тадулинского женского монастыря в 1923 г. зарегистрировали приходскую общину при Успенском соборе, которая состояла из 151 члена, включая 48 монахинь [1.14, оп. 1, д. 693, л. 33, 34]. Дополняют картину документы фонда **Витебского уездного Совета депутатов** (ф. 104), который содержит уставы и анкеты регистрации религиозных общин, регистрационные карточки [1.5].

Копии протоколов собраний духовенства и мирян, ведомости о числе храмов, действующих и закрытых монастырях, находятся в фонде **Витебского губернского совета депутатов** (ф. 56). Эти документы помогают проследить границы юридического существования обителей. Например, согласно ведомостям заключенных договоров и списков религиозных обществ по уездам,

в 1922 г. еще действовали Невельский Преображенский и Полоцкий Богоявленский мужские монастыри [1.4, оп. 6, д. 93, л. 4, 10]. Однако акты осмотра и переписка с различными учреждениями свидетельствуют, что уже в 1923 г. в Богоявленском монастыре разместился 14 полоцкий стрелковый полк. Имущество закрытых в 1922–1923 гг. храмов зачастую передавалось в другие монастыри и церкви. Согласно актам передачи в витебском Марковом монастыре находились 4 колокола закрытой Духовской церкви [1.4, оп. 1, д. 245, л. 73, 77, 505].

Обычной являлась ситуация, когда в части зданий еще не закрытого монастыря размещались сторонние организации. По данным **Вымнянского волостного совета** (ф. 28) уже в октябре 1918 г. в помещениях Тадулинского духовного училища была открыта Тадулинская трудовая советская школа первой ступени [1.3, оп. 1, д. 3, л. 1–18]. Как свидетельствуют материалы фонда **Вымнянского волвоентревкома** (ф. 1656) в новой школе работало 6 преподавателей, среди которых были и учителя бывшего женского училища, послушницы монастыря. Это отмечалось в опросных листах и актах обследования. Протоколы заседаний Витуревкома, доклады о результатах обследования школ волости, переписка по хозяйственным вопросам позволяют оценить состояние монастырского комплекса и взаимоотношения монашествующих с новыми хозяевами [1.13, оп. 1, д. 1, л. 16, 58, 764]. Процесс организации на территории монастыря школы второй ступени отражен в протоколах заседаний **Отдела народного просвещения Витебского уездного Совета** (ф. 221) [1.6]. В Марковом мужском монастыре с сентября 1919 г. размещался Витебский Концентрационный лагерь, учрежденный ВитГубЧК. Документы фонда **отдела наказаний Витебского Губисполкома** (ф. 1173) содержат инструкцию, регламентирующую порядок организации лагерей принудительных работ в монастырях. В отчете коменданта описывается местоположение построек, условия содержания арестантов. Указываются сроки ликвидации лагеря [1.12, оп. 1, д. 82, л. 2, 5, 15]. Документы фонда **Витебского окружного комитета КПБ** (ф. 10051) свидетельствуют о том, что весной 1924 г. часть помещений Спасо-Евфросиниевского женского монастыря г. Полоцка были заняты домом ребенка имени III Интернационала [1.18, оп. 1, д. 88, л. 18].

Отдельно следует обратиться к источникам по вопросам землепользования монашеских общин. С началом осуществления новой экономической политики для обработки бывших монастырских земель руководство монастырей регистрировало сельскохозяйственные артели и коммуны из числа насельников монастырей и активных прихожан. Дело об организации сельскохозяйственных производительных артелей по Витебскому уезду хранится в фонде **Витебского губернского земельного отдела** (ф. 14) [1.2]. Особый интерес представляют протоколы заседаний и рабочая переписка. Документы свидетельствуют, что в 1922 г. из числа насельниц Тадулинской обители была организована трудовая артель в количестве 50 человек под председательством монахини Есфири. В первые годы существования Тадулинская артель добилась прав на пользование монастырским садом и огородом [1.2, оп. 1, д. 992, л. 63–66]. В фонде **Марковщинского районного Совета** (ф. 13) хранится список членов коммуны «Фольварок Шидловщина», организованной монахами во главе с архимандритом Порфирием на бывших землях Маркова монастыря в 1923 г. [1.1, оп. 1, д. 30, л. 213].

В конце 1920-х гг., в русле политики свертывания нэпа и новой волны репрессий против религиозных организаций хозяйственные объединения монашеских общин упразднились. Тадулинская артель была закрыта весной 1928 г. по постановлению Витебского окружного комитета КПБ (ф. 10051). В протоколе заседания отмечалось, что под видом артели действует женский монастырь [1.18, оп. 1, д. 660, л. 72–73].

В русле антирелигиозной политики с 1919 г. по всей стране прошла акция по вскрытию мощей известных и почитаемых в народе святых. Документы фондов **Отдела управления Витебского губисполкома** (ф. 1821) и **Витебского областного краеведческого музея** (ф. 1947) позволяют реконструировать события, связанные со вскрытием мощей преподобной Евфросинии Полоцкой и перемещением их из Спасо-Евфросиниевского монастыря в Витебский губернский историко-археологический музей, а затем – в антирелигиозный музей [1.14, оп. 1, д. 425, л. 280]. Исследователь имеет возможность ознакомиться не только с актами вскрытия мощей и их описанием, перепиской по этому вопросу, но и схемой расположения в экспозиции музея [1.15, оп. 1, д. 103, л. 23, 46; оп. 2, д. 50, л. 30–35].

Особый интерес представляют документы фонда **финансового отдела Витебского Губисполкома** (ф. 123), которые касаются кампании по изъятию церковных ценностей. Наиболее

информативные из них описи церковного имущества и акты изъятия, которые отражают масштабы мероприятия. Изымались драгоценные оклады, украшения, кресты, богослужебная утварь, иконы. Иногда процедуре изъятия ценностей предшествовали инциденты с пропажей описей церковного имущества. В таких случаях монашествующих обвиняли в попытках укрытия ценностей. Например, настоятель витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря архимандрит Порфирий ссылаясь на то, что после 1917 г. монастырское имущество было передано местной коммуне, а после ее перевода с территории монастыря книги оказались испорчены. В Тадулинском монастыре инвентарные описи были украдены воспитанниками интерната [1.17, оп. 1, д. 2, л. 28]. В комиссию по изъятию обязательно должны были входить представители от прихода. Прихожанам Маркова монастыря удалось отстоять главную реликвию обители – Казанскую икону Божией Матери. Накануне и после рейда в каждом монастыре проходили масштабные обыски. Согласно актам обысков у настоятелей и духовенства Тадулинского, Вербиловского Покровского и Маркова монастырей были конфискованы монастырские и личные денежные средства [1.5, оп. 1, д. 754, л. 19; д. 761, л. 2, 19, 92].

Широко представлены в фонах материалы, отражающие процедуру размещения в монастырских зданиях детских домов и интернатов для эвакуированных в 1922 г. из районов Поволжья детей. В протоколах фонда **Витебского губернского комитета по оказанию помощи голодающим Поволжья** (ф. 570) отмечено, что в губернии было организовано 3 дома детей Поволжья, два из них – на территории Маркова и Тадулинского монастырей. Производились осмотры и оценка состояния построек, произведенный ремонт, условия содержания детей [1.11, оп. 1, д. 6, л. 7; д. 43, л. 21]. Постановления и протоколы фонда **Витебского уездного Совета депутатов** (ф. 104) свидетельствуют, что при организации детского дома монахиням Тадулинского монастыря было предписано поселиться в фольварок Зайбужье. Примечательно, что часть сестер остались на территории монастыря и работали в Тадулинском интернате и школе [1.5, оп. 1, д. 36, л. 68, 147]. Среди документов фондов **губернского отдела образования** (ф. 246) и **Отдела народного просвещения Витебского уездного Совета** (ф. 221) привлекают внимание сведения о перемещении детей Поволжья по губернии, их количество и состояние здоровья. Отмечается высокий уровень смертности. Присутствуют списки захороненных детей на кладбище Тадулинского монастыря [1.7; 1.8, оп. 1, д. 172, л. 248; д. 212, лл. 8, 53; д. 215, л. 404; д. 217 лл. 23, 30].

Отдельно следует выделить материалы фонда обновленческого **Витебского епархиального управления** (ф. 332). Привлекают внимание протоколы епархиальных съездов, деяния и циркуляры II Всероссийского собора, на котором обсуждался вопрос о вскрытии мошей и целесообразности существования монастырей [1.10, оп. 1, д. 3, л. 1]. Примечательно, что под сомнение попадали только те монастыри, которые занимали сторону патриарха Тихона. Например, в справке уполномоченного за 1924 г. указывается на сильные позиции «тихоновщины» среди насельниц Полоцкого женского монастыря [1.10, оп. 1, д. 9, л. 171 – 172]. В отчетах называется общее количество действующих обителей Полоцко-Витебской епархии. В 1924 г. их было 5 [1.10, оп. 1, д. 2, л. 215].

Таким образом, фонды Государственного архива Витебской области имеют большой информационный потенциал для изучения православных монастырей и монашеских общин в 1920-е гг. Среди документов широко представлены разнообразные виды источников: законодательные, актовые, статистические, материалы делопроизводства. Последняя категория включает нормативно-правовые документы, организационно-распорядительную и отчетную документацию, протоколы заседаний, текущую переписку.

Материалы фондов помогают проследить основные этапы существования и деятельности монашеских общин в указанный период. Представляется возможность изучить вопрос регистрации приходских общин и сельскохозяйственных артелей на базе монастырей, проведения кампании по изъятию церковных ценностей, передачу бывших монастырских помещений сторонним организациям и инстанциям, оценить их состояние в разное время. Отдельные документы дают возможность определить количество действующих монастырей, а также время и обстоятельства их закрытия.

Вместе с тем, поиск необходимых сведений для исследователя затрудняется отсутствием специальных тематических фондов и большой рассредоточенностью материалов.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 13. Марковщинский районный Совет.
2. ГАВО. – Ф. 14. Витебский губернский земельный отдел.
3. ГАВО. – Ф. 28. Вымянский волостной совет.

4. ГАВО. – Ф. 56. Витебский губернский совет депутатов.
5. ГАВО. – Ф. 104. Витебский уездный совет депутатов.
6. ГАВО. – Ф. 123. Финансовый отдел Витебского Губисполкома
7. ГАВО. – Ф. 221. Отдел народного просвещения Витебского уездного Совета.
8. ГАВО. – Ф. 246. Витебский губернский отдел образования.
9. ГАВО. – Ф. 322. Витебский городской совет депутатов.
10. ГАВО. – Ф. 332. Витебское епархиальное управление.
11. ГАВО. – Ф. 570. Витебский губернский комитет по оказанию помощи голодающим Поволжья.
12. ГАВО. – Ф. 1173. Отдел наказаний Витебского Губисполкома.
13. ГАВО. – Ф. 1656. Вымнянский волвоенревком.
14. ГАВО. – Ф. 1821. Отдел управления Витебского губисполкома.
15. ГАВО. – Ф. 1947. Витебский областной краеведческий музей.
16. ГАВО. – Ф. 2073. Витебская городская управа.
17. ГАВО. – Ф. 2458. Витебская уездная подкомиссия по изъятию церковных ценностей.
18. ГАВО. – Ф. 10051-п. Витебский окружной комитет КПБ.

Тарасенкова Т.И.
«БЕЛОРУССКИЕ СМОЛЯНЕ» И «СМОЛЕНСКИЕ БЕЛОРУСЫ»:
РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИЙ СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 1920–1930-х гг.
ПО МАТЕРИАЛАМ ГАНИСО¹

Государственный архив новейшей истории Смоленской области – хранилище документов по истории Смоленской области в XX веке. В его фондах хранится более 400 тыс. дел и около тысячи фотодокументов. Региональный характер хранимых документов определяет тематику возможных исторических исследований. А многочисленные изменения административно-территориального деления в области в XX в. позволяют изучать развитие взаимоотношений Смоленщины и ее ближайших соседей. Определенное количество письменных источников связано с историей Беларуси. В основном это документы по личному составу учреждений, организаций. Эти документы позволяют определить не только вклад смолян в развитие области, но и участие в этом процессе людей, приезжавших из других регионов страны. Имеются также документы, по которым можно составить биографии людей, чья трудовая деятельность началась на Смоленщине, а продолжилась в Беларуси.

Высокий пост в системе советских органов власти и управления в регионе занимал Онисим (Анисим) Иванович Бобровский. С июля 1924 г по май 1926 г. он являлся председателем Смоленского губернского исполнительного комитета. О.И. Бобровский родился в 1894 г. В учетной карточке члена ВКП(б) образца 1926 г. указаны только основные данные: национальность – белорус, социальное положение – служащий, основная профессия – учитель, партийность – член коммунистической партии с июня 1919 г. [2, л. 2300]. В машинописной копии автобиографии О.И. Бобровского содержится более полная информация о его жизни и работе до приезда в Смоленскую губернию. Онисим Иванович родился в местечке Романово Горецкого уезда Могилевской губернии. Его родители работали на местном вино-дрожжевом заводе, на котором в 12 лет началась трудовая биография и Онисима Ивановича. Родители смогли дать сыну образование. Он окончил четырехклассное городское училище, выдержал экзамен на звание учителя и до февральской революции 1917 г. занимался преподавательской деятельностью.

В Романово до революции действовали две политические организации – социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков, позднее интернационалистов. К последней в конце 1913 г. примкнул Бобровский.

В 1917 г. О.И. Бобровский избирается членом, а затем председателем Горецкого совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции он неоднократно избирался членом Горецкого уездного исполкома, боролся с преступностью на посту начальника уездной милиции и председателя уездной чрезвычайной комиссии, восстанавливал мирную жизнь в должности уездного комиссара просвещения и уездного комиссара по продовольствию. В этот период, очевидно, определилась склонность Онисима Ивановича к хозяйственной деятельности.

В 1921 г. он был направлен специалистом по продовольственной работе в Сибирь [1, л. 164]. С 1921 по 1923 гг. О.И. Бобровский работал уполномоченным Наркомата по продовольствию в

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».